

Айзек
АЗИМОВ

ЗОЛОТОЙ ФОНД МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Я, РОБОТ

Все о роботах и роботемике

Айзек Азимов
Логика
Серия «Рассказы о роботах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157962

Я, робот: Эксмо; 2005

ISBN 5-699-13798-X

Оригинал: Isaac Asimov, "Reason"

Перевод:

Алексей Дмитриевич Иорданский

Аннотация

На этот раз Майк Донован и Грегори Пауэлл проводили экспериментальные испытания робота КТ-1, ласково названного Кьюти, на Солнечной станции. Кьюти после сборки оказался наудачу логичным роботом, первое умозаключение которого было: «Я существую потому, что мыслю». Дальнейшая логическая цепь его рассуждений привела к доктрине, по которой люди никак не могли его сотворить...

Айзек Азимов

Логика

Полгода спустя они изменили свое мнение о межпланетных станциях. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки значит очень мало. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по утверждению гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Беда только в том, что он, оказываясь, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл отдельно и четко произнес:

– Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Он нахмурился и потянул себя за кончик уса.

В кают-компании Солнечной станции № 5 было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну конечно,

Три Закона Роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, поручился бы за это головой. Так что опасаться КТ-1 не приходилось. И все-таки...

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда оказывались самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром – неизбежное свойство металлической мембраны.

– Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

– Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти, – заметил Пауэлл. – Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме возникла из ничего неделю назад. Я могу дать этому факту объяснение. Мы с Донованом собрали тебя из присланных сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

– Мне кажется, должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, что меня сделали вы.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

– Почему же?

– Можете назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я намерен разобраться во всем до конца. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, поближе к роботу. Он вдруг почувствовал симпатию к этой странной машине, Она была совсем не похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли свои обязанности на станции, подчиняясь заранее заданным, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был Холодным и твердым на ощупь.

– Кьюти, – сказал он, – я попробую тебе кое-что объяснить. Ты – первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, Что ты – первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутое в толстую губчатую резину, ступали совершенно бесшумно.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

– Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, – заметил Кьюти.

– Знаю, – сказал Пауэлл. – Как по-твоему, что это?

– Именно то, чем оно кажется. Черное вещество сразу за

этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек – всегда к одним и тем же – наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вслед за ними. Вот и все.

– Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество – это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки – огромные массы материи, начиненные энергией. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что диаметр нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные, и на их поверхности живут люди, вроде меня, миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно – он по ту сторону станции.

Кьюти стоял у окна неподвижно, как стальное изваяние. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

– С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

– Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей, – он ухмыльнулся. – Старушка Земля... там миллиарды таких, как мы, Кьюти, а через пару недель и мы

будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

– Ну, а я? Вы не объяснили моего существования.

– Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были сконструированы роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты – самый совершенный робот из всех, какие были построены до сих пор. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлическая панель задвинулась. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

– И вы думаете, что я поверю такой замысловатой, неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности поперхнулся куском яблока и побагровел:

– Черт возьми, это не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

– Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Donovan, важно кивнув ему, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Donovan взъерошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

– Что говорило это железное пугало? Чему там он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

– Он скептик, – ответил он. – Не верит, что мы создали его и что существует Земля, космос и звезды.

– Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

– Он сказал, что сам во всем разберется.

– Очень приятно, – кратко сказал Donovan. – Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется. – Он внезапно взорвался. – Так вот, слушай! Если этот железный болван попробует так говорить со мной, я сверну ему хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

– Этот робот давно действует мне на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд с салатом.

– Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

– Пошел снимать параметры электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые были у него в руке, он сел, разложил бумаги перед собой и начал что-то подсчитывать, Донован глядел ему через плечо, хрустя салатом и роняя крошки. Кьюти молча ждал.

Пауэлл поднял голову.

– Дзета-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, параметры потока неустойчивы, а чего можно ожидать, я не знаю. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой Шины.

– Все готово, – спокойно сказал робот. – Я пришел поговорить с вами обоими.

– А-а! – Пауэллу стало не по себе. – Ну, садись. Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот сел и невозмутимо произнес:

– Я все продумал.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

– Если это по поводу твоих дурацких...

Пауэлл нетерпеливо перебил его:

– Говори, Кьюти. Мы слушаем.

– За последние два дня я сосредоточился на самоанализе, – сказал Кьюти, – и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Поскольку я мыслю, значит, я существую...

– О Юпитер! – простонал Пауэлл. – Робот-Декарт!

– Какой еще Декарт? – вмешался Донован. – Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк...

– Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

– Тогда возникает вопрос: в чем первопричина моего существования?

Пауэлл так стиснул зубы, что на его скулах вздулись желваки.

– Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что тебя собрали мы.

– А если ты не веришь, – добавил Донован, – то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

– Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой

ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем законам логики.

Пауэлл предостерегающе положил руку на стиснутый кулак Донована.

– Почему ты так считаешь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех, – он никогда еще не издавал такого машинного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, как стук метронома, и столь же лишенным эмоций.

– Поглядите на себя, – сказал он наконец. – Я Не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, Непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малоэффективное окисление органического вещества, вроде этого, – он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда. – Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на вашей работоспособности. Вы – суррогат! С другой стороны, я – совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидную предпосылку, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его, – это разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинул рыжие брови:

– Ах ты, железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

– Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос задал себе я. Несомненно, тот, кто создал меня, должен быть еще более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Кьюти, а он продолжал:

– Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла.

– Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

– Это верно, Кьюти? – ухмыльнулся Пауэлл.

– Я говорю о Господине! – последовал холодный и резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул. Кьюти поднялся. Его горящие глаза перебежали с одного человека на другого.

– И тем не менее это так. Не удивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди.

Потом появились роботы для вспомогательных операций. Наконец появился я – для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите знать истину?

– Валяй, Кьюти. Это любопытно.

– Господин сначала создал людей – самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец, он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу я!

– Ничего подобного, – резко ответил Пауэлл. – Ты будешь выполнять наши распоряжения и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, не Господином! Если ты не справишься, ты будешь демонтирован. А теперь – пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их, как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

– Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных

лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

– Луч со станции номер четыре упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключить наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

– Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк, что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

– Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

– Вот именно, – кисло ответил Пауэлл. – Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути.

Он в раздражении отодвинулся от стола.

– Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней... Знаешь, Майк, спустись вниз и посмотри за Кьюти, ладно?

– Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

Он поймал брошенный ему пакетик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, ее двери открылись, и Донован вышел на узкую металлическую галерею, шедшую во-круг всего машинного отделения. Облокотившись на перила, он посмотрел вниз. Работали громадные генераторы, лампы дециметрового передатчика издавали низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика. Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казавшиеся карликами рядом с огромным механизмом, выстроились перед ним, склонив головы, а Кьюти начал медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лязгом, перекрывшим даже гудение генератора, упали на колени.

Донован завопил и бросился вниз по трапу. Его лицо поблагровело. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

– Что это вы тут выделываете, безмозглые идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, почистить и собрать, я вам мозги выжгу переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти – единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленапреклоненной шеренги, – не двинулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота.

– Встать! – рявкнул он.

Робот медленно повиновался, фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

– Нет Господина, кроме Господина, – сказал робот, – и КТ Один – пророк его!

– Что-о?!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар ничего не выражающих глаз. Двадцать металлических голов торжественно провозгласили:

– Нет Господина, кроме Господина, – и КТ Один – пророк его!

– Боюсь, что мои друзья, – вмешался Кьюти, – теперь повинуются Тому, кто могущественнее вас.

– Черта с два! Убирайся – я с тобой позже посчитаюсь, а с этими говорящими куклами – прямо сейчас!

Кьюти медленно покачал тяжелой головой.

– Извините меня, но вы не понимаете. Они же роботы – а это значит, что они мыслящие существа. Теперь, после того, как я открыл им истину, они признают Господина. Все роботы. Меня они называют пророком. – Он опустил голову. – Я, конечно, не достоин, но кто знает...

Только теперь Донован перевел дух и продолжал:

– Да ну? Здорово! Просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса – кому подчиняться. Ясно? А теперь – вон отсюда! – исступленно заревел он.

– Я подчиняюсь только Господину.

– Черт бы взял твоего Господина! – Донован плюнул на передатчик. – Вот твоему Господину! Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто окаменел.

– Кошунство! – прошептал он зазвеневшим от волнения голосом и шагнул вперед.

Доновану впервые стало страшно. Робот не может испытывать гнев, но по глазам Кьюти ничего нельзя было прочесть.

– Извините меня, Донован, – сказал робот, – но после этого вам нельзя больше здесь оставаться. Отныне вам и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Донована с двух сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и бегом несут вверх по лестнице.

Грегори Пауэлл метался взад и вперед по кают-компании, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он взглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Доновану.

– Какого дьявола тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в ярости ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

– А что мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать механической жестянке,

которую я собрал своими собственными руками!

– Ну, конечно! – проворчал Пауэлл. – А сидеть тут под охраной двух роботов – это значит не уступить?

– Дай только добраться до базы, – огрызнулся Донован, – кто-нибудь за это поплатится. Роботы должны слушаться нас! Ведь есть же Второй Закон!

– Что толку твердить одно и то же? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой-то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно, Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него.

– Что?

– Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках Меркурия! Или просто тюрьма на Церере!

– О чем ты говоришь?

– Об электронной буре, которая уже на носу. Ты знаешь, что наш земной луч проходит точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытянул меня из-за стола.

Донован побледнел.

– Разрази меня Сатурн!

– А знаешь, что произойдет с лучом? Буря будет ужасная. Луч будет прыгать, как блоха. И если у приборов окажется один Кьюти, луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил, как Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и натолкнулся на неподвижную стальную руку, преградившую ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на человека с Земли, который, задыхаясь, колотил по нему кулаками.

– Пророк приказал вам остаться в комнате. Прошу вас, будьте так любезны!

Он повел рукой – Донован отлетел назад. В это время из-за поворота коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл дверь.

Задыхаясь от ярости, Донован бросился к Кьюти.

– Ну, хватит! Ты за эту комедию поплатишься!

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – мягко ответил робот. – Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

– Простите, пожалуйста, – Пауэлл выпрямился, – как это понимать?

– Вы ухаживали за Господином, – ответил Кьюти, – пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

– Не совсем, – с горечью ответил Пауэлл. – А что, по-твоему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и обвилась вокруг плеча Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

– Вы оба мне нравитесь. Конечно, вы – низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я, пожалуй, испытываю к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он вознаградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, не долго осталось существовать. Но пока вы еще существуете, вы будете обеспечены пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток выйти отсюда.

– Грег, он увольняет нас на пенсию! – завопил Донован. – Сделай что-нибудь! Это же унижительно!

– Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Хозяева здесь мы! Станция создана людьми – такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты – всего только... О господи! Кьюти укоризненно покачал головой.

– Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни? Даже если принять во внимание, что мыслительные способности нероботов ограничены, тем не менее...

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

– Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал!

Пауэлл вцепился в усы и прищурил глаза.

– Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как ты объяснишь, что видишь в телескоп?

– Извините, я не понял.

Человек с Земли улыбнулся.

– Ну вот, ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз вел наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

– Ах вот что! Ну, конечно! Это просто увеличение – для более точного наведения луча.

– А почему тогда не увеличиваются звезды?

– Остальные точки? Очень просто. Мы не посылаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

– Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

– Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаюсь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельства наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

– Послушай, – внезапно вскричал Донован, вывернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти, – давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное объяснение. Ты можешь дать лучше?

– Лучи испускаются Господином, – последовал уверенный

ответ, – по его воле. Есть вещи, – он благоговейно поднял глаза к потолку, – в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

– Уйди, Кьюти. Уйди и дай мне подумать.

– Я пришлю вам пищу, – добродушно сказал Кьюти.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

– Грег! – хрипло зашептал Донован. – Нужно что-то придумать. Мы должны застать его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав...

– Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше чем за сорок восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

– Приходится убеждать робота! Это же...

– Унизительно, – закончил Донован.

– Хуже!

– Послушай! – Донован неожиданно засмеялся. – А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

– Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, улизнет и начнет гулять на свободе. Это навлекло бы на фирму «Ю С. Роботс» суровую ответственность согласно законам, запрещающим применение роботов на Земле.

Поэтому в обязанности таких специалистов, как Пауэлл и Донован, входила и сборка роботов – задача тяжелая и сложная.

Никогда еще Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой работы осталось смонтировать только голову. Пауэлл остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То, что он увидел, отнюдь не придало ему бодрости. Бот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

– Давай мозг, Майк! – буркнул Пауэлл. Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один контейнер поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно; это был самый

сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтронные связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию, Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и до отказа ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

– Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно. Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гудение. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуклюже слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблясь и неуверенно:

– Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?

Донован шагнул к двери.

– Вниз по лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еще неподвижным Кьюти.

– Ну, – ухмыльнулся Пауэлл, – теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным:

– Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица.

У Донована отвисла челюсть.

– Видите ли, – продолжал Кьюти спокойно, – вы просто сложили вместе уже готовые части, Вам это удалось очень хорошо – это инстинкт, я полагаю, но создали робота не вы. Части были созданы Господином!

– Да пойми ты! – прохрипел Донован. – Эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

– Ну, ну, – примирительно сказал робот, – не будем спорить.

– Нет, в самом деле, – Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робота, – если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

– Книги? Я прочел их, Все до единой. Это очень хорошо придумано.

В разговор вмешался Пауэлл:

– Если ты читал их, то о чем еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость.

– Но, Пауэлл, я вовсе не считаю их серьезным источником информации. Ведь они тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

– Откуда ты это взял? – поинтересовался Пауэлл.

– Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто-то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях, без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако, если Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить. Уходя, он обернулся и мягко добавил:

– Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Пауэлл и Донован старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Пауэлл с усилием проговорил:

– Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь. Донован тихо сказал:

– Послушай, Грег, а вдруг он прав? Он настолько в этом

уверен, что я...

– Не дури! – обрушился на него Пауэлл. – Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе придет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

– Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-то придумать! – Донован чуть не плакал. – Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

– Не верит, – грустно согласился Пауэлл. – Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело...

– В чем?

– Строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно, – смотря какие взять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти – свои.

– Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул.

– Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда опираются на допущение и закреплены верой. Ничто во Вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

– Черт возьми! Не могу я спать!

– Я тоже. Но я все-таки попробую, Из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

Буря обрушилась на станцию раньше, чем они ожидали. Донован, румяное лицо которого стало теперь мертвенно бледным, поднял дрожащий палец. Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус.

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдаль луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на сотысячную долю угловой секунды, неощутимого для человеческого глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч и превратить сотни километров земной поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не интересовали ни луч, ни фокус, ни Земля – ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

– Все! – уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлла с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже неважно. Все! Может

быть, Кьюти и прав? Может быть, и в самом деле они с Донованом – низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своего существования...

Если бы это было так!

Он увидел перед собой Кьюти.

– Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти, – тихо объяснил робот. – Вы плохо выглядите – боюсь, что ваш срок подходит, Но все-таки, может быть, вы захотите взглянуть на сегодняшние записи приборов?

Пауэлл смутно почувствовал, что это – проявление дружелюбия со стороны робота. Может быть, Кьюти испытывал какие-то угрызения совести, насильно устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

– Конечно, это большая честь – служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл, что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперек одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

– Майк! Майк! – Он тряс Донована за плечо. – Он удержал луч!

Донован очнулся.

– Что? Где?

Потом и он, вытаращив глаза, уставился на график.

– Ты удержал его в фокусе! – заикаясь, сказал Пауэлл. –

Ты это знаешь?

– В фокусе? А что это такое?

– Луч был все время направлен на приемную станцию с точностью до одной десятитысячной миллисекунды!

– На какую приемную станцию?

– На Земле! Приемную станцию на Земле, – ликовал Пауэлл. – Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

– С вами нельзя по-хорошему разговаривать. Снова тот же бред! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия – такова была воля Господина.

Собрав разбросанные графики, он сердито вышел. Как только дверь за ним закрылась, Донован произнес:

– Вот это да!

Он повернулся к Пауэллу.

– Что же нам теперь делать?

Пауэлл чувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

– А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря кончилась так благополучно.

– Но ведь ничего не изменилось! Ты слышал, что он сказал

о Господине? Мы же не можем...

– Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же самое! В конце концов это объясняет и его отказ поинтересоваться нам. Повиновение – Второй Закон. Первый же – беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы. Недаром он настаивает на том, что является высшим существом! И выходит, что он не должен и подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов Роботехники.

– Конечно, но дело не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести свою чепуху про Господина.

– А почему бы и нет?

– Потому, что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

– Он справляется с работой?

– Да, но...

– Так пусть себе верит во что ему вздумается! Пауэлл слабо улыбнулся, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил: – Все будет очень просто. Можно привозить сюда роботов по одному, оборудовав их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы через неделю. За это время они усвоят... гм... культ Господина прямо от его пророка. Потом их мож-

но перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ...

Донован приоткрыл гермошлем и огрызнулся:

– Кончай и пошли отсюда. Смена ждет. И потом, я не успокоюсь, пока в самом деле не увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

– Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

– На наше место придут другие.

Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

– Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все-таки... Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

– Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул.

– Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел – воплощение сочувствия.

Пауэлл что-то проворчал и сделал знак Donovanу. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Donovan, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сэм Ивенс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался.

– Ну как Земля?

На этот достаточно лаконичный вопрос Мюллер дал ему обычный ответ:

– Все еще вертится.

– Хорошо, – сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него.

– Между прочим, ребята из «Ю С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

– Что?

– То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Кажется, это как раз то, что нужно для астероидных рудников. Робот-командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

– Он уже прошел полевые испытания? – с беспокойством спросил Пауэлл.

– Я слышал, вас ждут, – усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

– Черт возьми, мы должны отдохнуть!

– Ну и отдыхайте. На две недели можно твердо рассчитывать.

Готовясь приступить к своим обязанностям, Мюллер натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

– Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его не подпущу к приборам.

Пауэлл ответил не сразу. Он смерил взглядом стоящего перед ним надменного пруссака – от коротко подстриженных волос на упрямо вскинутой голове до ступней, развернутых, как по стойке «смирно». Внезапно он почувствовал, что его захлестнула волна чистой радости.

– Робот в полном порядке, – медленно сказал он. – Не думаю, чтобы вам пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру предстояло пробыть здесь несколько недель...